

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой)¹⁾.

Г Л А В А IV.

Январь 1878 г.

Исторія окончательной борьбы раздѣлилась на три періода. Первый, время отъ 16 декабря (когда рѣшенъ былъ созывъ парламента на 17-е января), по 3-е марта, послѣ заключенія мирнаго договора въ Санъ-Стефано. Въ это время враждебная туркамъ партія мира торжествовала.

Второй продолжался отъ подписанія Санъ-Стефанскаго договора до подписанія Сальзберри Шуваловскаго меморандума (т. е. отъ 3-го марта до 29-го мая). Третій и послѣдній періодъ закончился подписаніемъ Берлинскаго трактата. Это была формальная ратификація Шуваловскаго меморандума, которая ознаменовалась присоединеніемъ Крита къ Англіи и подписаніемъ Англо-Турецкаго договора.

Краткая, но рѣшительная борьба противъ туркофильской политики лорда Биконсфильда была во многихъ отношеніяхъ интереснѣе, чѣмъ взрывъ народнаго негодованія. Первое возмущеніе противъ турецкихъ звѣрствъ было сначала чисто человѣколюбиваго свойства. Въ концѣ же 1877 г. вопросъ былъ: будетъ ли нація, бывшая противъ Турціи въ 1876 г., достаточно, чтобъ въ 1878 году не допустить войны противъ Россіи въ защиту Турецкой имперіи?

Въ декабрѣ защитники войны вѣрили, что, если лордъ Биконсфильдъ подыметъ мечъ противъ Россіи, нація его поддержитъ. Плевна не была взята до 9-го декабря. На Рождество русскія войска еще стояли на сѣверѣ отъ Балканъ. Биконсфильдъ молчалъ. Печать ревностно стояла за войну, даже члены кабинета публично

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1911 г.

говорили въ этомъ смыслѣ. Standart, министерскій органъ, заявилъ что русскимъ долженъ быть воспрещенъ переходъ черезъ Балканы.

Враждебная туркамъ партія была насторожѣ. „Всякую минуту мы можемъ ждать, говорила она, что Биконсфильдъ нарушитъ свой нейтралитетъ. Мы теперь же должны быть готовы ему противодѣйствовать“.

Англійскій Кабинетъ рѣшилъ открыть парламентъ 17-го января, вмѣсто обычнаго 8-го февраля. Standart авторитетно объявилъ, что созывается парламентъ для утвержденія суммы, необходимой для увеличенія вооруженія, требуемаго положеніемъ Европы, и продолжалъ разсуждать о лучшихъ мѣрахъ для высадки англійскихъ войскъ въ Турцію. Газета „Pall Mall“ увѣряла, что война противъ Россіи будетъ даже популярна. Другіе анти-русскіе органы печати высказывались въ этомъ же духѣ.

Съ другой стороны, руссофилы увѣряли, что эта воинственная агитація несущественна. Даже лордъ Сальзберри и его единомышленники противились Биконсфильдовской политикѣ вмѣшательства; несомнѣнно руссофиловъ побуждала къ дѣятельности г-жа Новикова своими письмами. Нетрудно, прослѣдить какъ ея вліяніе, такъ и вліяніе памяти ея брата Николая въ слѣдующемъ отрывкѣ, появившемся въ одномъ изъ воинственныхъ органовъ партіи.

„Русскій народъ, долгое время исключенный изъ того, что Мазини называлъ „братскимъ банкетомъ Европейскихъ народовъ“, получилъ вдругъ доступъ въ него путемъ жертвъ; Россія показала свою душу. Страна, вся проникнутая тѣмъ дивнымъ чувствомъ человеколюбія, которое заставило русскихъ умирать десятками тысячъ, чтобъ дать свободу Болгаріи, имѣетъ большую будущность. Страданіе очищаетъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя государства. Но какъ сильно страдаетъ русскій народъ теперь, никто, конечно, кромѣ русскихъ, знать не можетъ; въ этотъ день Рождества Христова, во множествѣ домовъ Великой Россіи оплакиваютъ дорогихъ ушедшихъ, которымъ не суждено вернуться. Смерть за благородное дѣло сладка, глаза оставшихся въ живыхъ туманятъ слезы, но мертвые умирали не напрасно. Освобожденіе славянъ Россіей возвысило Русскій народъ“.

Фрудъ пишетъ 26-го декабря г-жѣ Новиковой:

„Нашъ премьеръ, если правильно его представляютъ, очевидно, мечталъ закончить свое политическое поприще сценой превращенія: Европа въ пламени, а самъ онъ въ качествѣ арлекина у рампы“. Слѣдующее письмо мое къ ней, писанное карандашомъ на желѣзнодорожной станціи 22-го декабря 1877 г., даетъ понятіе о страхахъ и надеждахъ, среди которыхъ Англія проводила Рождество 1877 г.

„Пользуюсь минутой, чтобъ написать Вамъ еще разъ, до моей

поѣздки въ Лондонъ. Сегодня утромъ я получилъ письма отъ Гладстона, Чемберлена и другихъ. Гладстонъ очень добръ. Онъ говоритъ, что онъ не знаетъ, гдѣ и когда оказать сопротивленіе, но онъ увѣренъ въ томъ, что враждебныя туркамъ газеты должны бить тревогу и всюду готовиться къ сильной оппозиціи. Чемберленъ говоритъ, что въ настоящую минуту Египетъ разъединяетъ либеральную партію и можетъ повлечь за собой войну Англій съ Франціей. Онъ слышалъ отъ Вадингтона, французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, что Франція намѣрена сильно протестовать, и если теперь воздерживается отъ объявленія войны, то лишь для того, чтобы приготовиться къ ней позднѣе. Гладстонъ, Брайтъ и Ло страшно противятся такой войнѣ.

„Гренфель говоритъ, что у королевы голова идетъ кругомъ отъ Россіи и Индійской имперіи, и что Германія все дѣлаетъ, чтобы двинуть наши войска на востокъ для того, чтобы развязать себѣ руки на западѣ.

„Сегодня у меня былъ длинный разговоръ съ Джозефъ Коуенъ, членомъ парламента отъ Ньюкастель, онъ совершенный турокъ. Онъ говоритъ, что правительство, если готовится къ войнѣ, то это къ войнѣ съ Франціей, изъ-за Египта, а не съ Россіей изъ-за Турціи. Онъ сказалъ, что мы не можемъ воевать съ Россіей, хотя онъ очень этого бы желалъ: онъ ненавидитъ русскихъ. Онъ говоритъ, что страна, хотя и не за Россію, но противъ войны съ нею. Теперь прощайте. „Все обстоитъ благополучно, какъ говоритъ, издатель New York Herald'a. Страна быстро тянется въ нашу сторону“. Ура! Счастливыхъ праздниковъ. Стэдъ“.

Вотъ текстъ вышеупомянутаго письма Гладстона къ Стэду:

22 декабря 1877 г.

„Милостивый Государь,—благодарю за присланныя замѣтки, я увѣренъ, что Вы знаете, что я получаю и читаю ихъ съ сочувствіемъ, хотя не всегда могу прислать прямое подтвержденіе имъ.

„Въ этомъ случаѣ трудно, можетъ быть, сказать, когда и какъ сопротивляться, но я увѣренъ, что всякая не турецкая газета хорошо сдѣлаетъ, если будетъ сразу и постоянно трубить противъ войны съ Россіей изъ-за Турціи.

„Я думаю, что не только позволительно и справедливо, а необходимо ясно указывать на премьеръ-министра, какъ на корень всего этого зла и скандала.

Преданный Вамъ Гладстонъ“.

Г-нъ Фриманъ въ письмѣ, изъ Италіи, г-жѣ Новиковой выказываетъ почти то же настроеніе. Онъ ей пишетъ:

Пиза 19 декабря 1877 г.

„Вы были бы довольны, если бъ видѣли мой восторгъ, когда пришло извѣстіе о взятіи Плевны русскими. Мы всѣ боимся двухъ вещей: 1-е, чтобы еврей (будь онъ проклятъ!) все-таки не вовлекъ бы насъ въ войну; Вы вѣдь видѣли, что у него поддержка королевы, которая ѣздила обѣдать въ его Гето; 2-е, чтобы Вы, заключая миръ, не упустили бы изъ вида интересы Греціи“.

Черезъ два дня г. Фриманъ пишетъ Стэду:

„Я радъ, что Вы видѣли Кокса, въ немъ всегда проявляется пылкій гнѣвъ, могущій уничтожить любого противника, но всегда за справедливое дѣло.“

Я радъ въ особенности Вашей встрѣчѣ съ Динъ-Черчъ. Что касается Фруда, я не понимаю, почему онъ на нашей сторонѣ. Защитникъ Генриха VІІІ, онъ долженъ стоять за Митхада и Шефкета-пашей“.

Между тѣмъ либералы продолжали просить Гладстона бить тревогу. Несмотря на то, что иногда существовало антирусское направленіе, среди нихъ все же преобладало желаніе избѣжать войны.

Гладстонъ, обращаясь къ секретарю одной анти-воинственной ассоціаціи, 24-го декабря, сказалъ: „необходимо помѣшать грозящему нарушенію нейтралитета“. Онъ очень подчеркивалъ важность удаленія всякой партійности въ національномъ протестѣ. Для этого собирались городскіе митинги, торговыя палаты и городскіе совѣты для выработки рѣшеній. Попытка г-на Барри созвать въ Трафальгаръ-скверѣ туркофильскій митингъ, 29 декабря, потерпѣла полнѣйшее фіаско. 28-го декабря каноникъ Макколь прислалъ г-жѣ Новиковой слѣдующее успокоительное донесеніе.

„Надѣюсь, что ранній созывъ парламента не заставитъ никого думать въ Россіи, что Англія станетъ воевать, даже въ томъ случаѣ, если Россія войдетъ въ Константинополь (конечно, не навсегда). Лордъ Биконсфильдъ и королева желаютъ войны, но страна неумолимо противъ: либералы, а ихъ большинство въ странѣ, единодушно будутъ въ оппозиціи. Нѣкоторые даже среди торіевъ сильно противятся войнѣ; никакое правительство недѣли не проживетъ, если вздумаетъ объявить войну Россіи. Многіе туркофилы наши также уклоняются отъ войны. Если бы Россія завладѣла Арменіей, оставивъ Европейскую Турцію (освободивъ, конечно, Горцеговину и Болгарію), то Англія не сдѣлала бы ни одного выстрѣла. Я участвовалъ въ митингахъ за послѣднее время, и могу васъ увѣрить, что огромное большинство нашего населенія не потерпитъ правительства, которое объявило бы войну Россіи“.

Послѣ отъѣзда Ольги Алексѣевны изъ Англіи, Фрудъ началъ

правильную переписку съ ней. Первое письмо его, изъ длинной серіи писемъ, въ которыхъ онъ извѣщалъ ее обо всемъ, что происходило въ Лондонѣ, было помѣчено Новымъ Годомъ 1878. Она писала ему съ нѣкоторой тревогой о признакахъ возрождающагося антагонизма Англіи противъ Россіи, на что онъ отвѣчалъ:

„Дорогая г-жа Новикова, меня не удивляетъ Ваша тревога. Я самъ ее вполне раздѣляю. Народъ нашъ слабъ, какъ вода, но политики наши еще слабѣе. Тѣ, на которыхъ мы рассчитывали, измѣняютъ намъ въ минуту испытаній. Я надѣюсь, что Россія своимъ дипломатическимъ отвѣтомъ лорду Биконсфильду и увѣреніями, что причина войны былъ отказъ Турціи принять совѣтъ великихъ державъ отворить поводъ къ войнѣ и конференція тогда возобновится. Такимъ образомъ Англія лишится предлога для вмѣшательства. Иначе проклятая интрига, такъ долго работающая въ подпольѣ, будетъ имѣть успѣхъ, и намъ будутъ грозить опасныя послѣдствія. Неужели Бисмаркъ фальшивъ? Можетъ ли быть, чтобы онъ желалъ поссорить Англію съ Россіей, чтобы провести успѣшно собственные планы на счетъ Голландіи, Бельгіи и Даніи? Дай Богъ, чтобы осторожность государя и князя Горчакова не допустила катастрофы. Желалъ бы успокоить Васъ лучшими извѣстіями, но англійское общество сходитъ съ ума, а при такихъ обстоятельствахъ разсудокъ бесполезенъ и безсиленъ. Вашъ искренно Фрудъ“.

Письма Фруда въ это тяжелое и тревожное время были полны интереса и политической важности. Они служили Ольгѣ Алексѣевнѣ цѣннымъ коррективомъ для моихъ нѣсколько оптимистическихъ донесеній ей. Фрудъ имѣлъ рѣдкое преимущество знать все, что дѣлается въ кабинетѣ, по крайней мѣрѣ, въ то время, когда лордъ Корнарвонъ и лордъ Дерби были коронными министрами, и даже послѣ ихъ отставки они лучше многихъ другихъ могли отгадывать, какая происходила битва между защитниками мира и войны въ Кабинетѣ. Онъ жилъ въ Западной части Лондона, въ самомъ центрѣ реакціи, тогда какъ я писалъ изъ Дарлингтона, бывшаго тогда центромъ противотурецкой пропаганды, говорить Стэдъ. Странно, однако, что несмотря на разницу темпераментовъ и точекъ зрѣнія, ея постоянные корреспонденты сходились безусловно въ своихъ пожеланіяхъ успѣховъ Россіи.

На Новый годъ, говорить Стэдъ, я нѣсколько послѣшно отправилъ записку менѣе оптимистическаго взгляда на положеніе дѣлъ, г-жѣ Новиковой. Я ей писалъ:

„Я не теряю бодрости. Мы еще побѣдимъ чорта. Никогда не предавайся страху. Нѣтъ, нѣтъ. Слава Богу. Лучше умирать, чѣмъ быть трусомъ. Но помните, что это битва тяжелая“.

21-го января, чтобъ сообщить Россіи насколько настоящая Англія, была противъ Биконсфильда, я послалъ въ „Московскія Вѣдомости“ слѣдующій рапортъ:

„Широкія массы англійскаго народа стоятъ положительно за миръ, но воинственная партія надѣется, что лордъ Биконсфильдъ придумаетъ средство, чтобъ побудить русское правительство на грубый отвѣтъ Англіи. Это немедленно будетъ представлено, какъ оскорбленіе Великобританіи, и всѣ усилія будутъ направлены къ тому, чтобы заставить народъ требовать войны. Въ настоящее время, однако, лучшая часть народа желаетъ мира и будетъ продолжать на этомъ настаивать.

Къ счастью русское правительство, избѣгая ловушекъ, подставленныхъ Биконсфильдомъ, вѣжливо отвѣчаетъ на всѣ его сообщенія, уважаетъ интересы Англіи и выражаетъ искреннее желаніе поддерживать дружескія отношенія съ Великобританіей. Одно неосторожное слово или депеша можетъ все измѣнить. Такимъ образомъ отъ мудрости русскаго правительства зависитъ, чтобы соблюденіе нейтралитета не измѣнилось“.

Этотъ тревожный тонъ подтвердился и однимъ корреспондентомъ, котораго считали близко стоящимъ къ лорду Карнарвонъ и лорду Дерби. Онъ писалъ:

„Лордъ Биконсфильдъ увѣренъ, что Англія за него, и въ самомъ Кабинетѣ нѣкоторые боятся, что это такъ. Этому необходимо противодействовать, употребляя все вліяніе на прессу. Стэдъ писалъ въ этомъ смыслѣ Гладстону, Брайту и Фостеру.

„2-го января“, продолжая свое письмо къ Ольгѣ Алексѣевнѣ, Стэдъ говоритъ: „лордъ Карнарвонъ произнесъ миролюбивую рѣчь, за которую получилъ торжественный выговоръ отъ королевы.

„Получилъ письмо отъ Мунделла. Онъ мраченъ, онъ говоритъ: Биконсфильдъ пріобрѣтаетъ вліяніе въ кабинетѣ, только быстрый протестъ насъ можетъ спасти“. „Мы будемъ протестовать, говоритъ Стэдъ, городскіе митинги собираются въ каждомъ большомъ городѣ. Я пишу сегодня ночью по всему нашему округу: „вставайте и дѣйствуйте“. Мы можемъ положиться на нашихъ друзей. Если только Вашъ Императоръ будетъ продолжать дѣйствовать такъ же мудро, какъ до сихъ поръ, избѣгая всякаго раздражающаго замѣчанія, то Биконсфильдъ будетъ побитъ своими соотечественниками. Всякое измѣненіе характера со стороны Россіи ослабляетъ наши силы здѣсь. Всякій добрый, благородный, рыцарскій поступокъ Вашъ укрѣпляетъ ихъ“.

На другой день я доношу г-жѣ Новиковой, продолжаетъ Стэдъ.

„Получилъ письмо отъ Гренфеля. Онъ говоритъ, что предпола-

гается занятіе Галиполи англичанами, которое получить, вѣроятно, согласіе всѣхъ партій. Это вѣдь не враждебная окупація. Она временная, какъ вещественная гарантія въ томъ, что Вы выйдете изъ Константинополя, какъ войдете. Не думаю, чтобы Вы были противъ этого. Но скажите мнѣ Ваше мнѣніе“.

4-го января многолюдный и восторженный анти-турецкій митингъ состоялся въ Дарлингтонѣ.

Въ это же время вотъ что писалъ г-жѣ Новиковой извѣстный сэръ Джонъ Коксъ:

„Дизраели нужно доказать, что его дѣйствія принесли бы неминуемое бѣдствіе странѣ.

„Если возникла бы такая война, я усердно молился бы о томъ, чтобъ сыны Англіи были посрамлены и унижены. Когда Англія поступаетъ справедливо, я желаю ей быть первымъ государствомъ въ мірѣ; но есть вещи выше національныхъ выгодъ, и если она въ союзѣ съ мошенниками и убійцами, я желаю, чтобъ она получила возмездіе, которое послужитъ предостереженіемъ на много тысячелѣтій“.

Гладстонъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

Ховарденъ отъ 4-го января.

„Дорогая г-жа Новикова, благодарю Васъ за письмо отъ 3-го. Оно меня застало, вмѣстѣ съ моими соотечественниками, въ волнахъ неизвѣстности. Лордъ Карнарвонъ говорилъ разумно, чтобъ успокоить страну, которую глава ея взволновалъ. Я воздерживаюсь отъ всякой общественной дѣятельности, въ данную минуту, потому что считаю мое вмѣшательство въ агитацію большимъ вредомъ, допустимымъ развѣ во избѣжаніе худшаго“.

„Внезапное открытіе парламента—одна изъ театральныхъ выходовъ Биконсфильда, но пока продолжается Ваша война, мы не можемъ быть спокойны.

„А теперь дайте мнѣ сказать Вамъ то, что я намѣренъ громко высказать, говоря публично. Я имѣю на счетъ мира опредѣленное мнѣніе. Надѣюсь, что миръ окончательно удалитъ турецкую исполнительную власть изъ Болгаріи. Если условія для Болгаріи будутъ слабы, скажутъ, и не безъ справедливости, что Россія желаетъ держать Турцію въ тревогѣ, чтобъ имѣть предлогъ для вмѣшательства.

О другихъ Славянскихъ княжествахъ я не говорю, кто-то другой желаетъ заняться ими, но не забудьте славную, безсмертную Черногорію. Я не военный критикъ; но мнѣ кажется, что Гурко показалъ самый тонкій примѣръ стратегіи, какой когда-либо показала война.

„Счастливаго Новаго Года (стар. стиля) Вамъ и Вашимъ, и да вернется благословенный миръ. Вашъ искренно В. Е. Г.“.

Стэдъ пишетъ г-жѣ Новиковой:

„Сомнѣнія нѣтъ, что турокъ скотина, но храбрая скотина“.

3-го января г-нъ Фостеръ произнесъ рѣчь своимъ избирателямъ въ Бранфордъ, въ которой онъ бросилъ вызовъ сторонникамъ войны. Я провелъ у него слѣдующій день и былъ восхищенъ непримиримымъ тономъ его заявленій.

Я писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Г-нъ Форстеръ рѣшителенъ, онъ мнѣ сказалъ, что онъ и его друзья будутъ всячески сопротивляться войнѣ и каждому шагу, ведущему къ ней. Будьте увѣрены, что мы будемъ сражаться также храбро съ нашимъ правительствомъ, какъ Ваши русскіе сражались на Шипкѣ.“

Я говорилъ о томъ, какъ Фрудъ выражалъ свое отвращеніе къ туркофильскимъ чувствамъ многихъ лицъ изъ нашего духовенства. Сектанты во время всего этого кризиса были гвардіей Гладстона. Письмо епископа Оксфордскаго отъ 7-го января было вызвано предположеніями, что духовенство возбуждаетъ націю къ войнѣ изъ-за турокъ“.

Епископъ писалъ Стэду:

„Я желалъ бы, чтобъ духовенство единодушно ненавидѣло войну, и въ особенности такую войну, какъ та, что предлагается теперь Биконсфильдомъ. Но говорить, что духовенство вызываетъ ее, нельзя безъ убѣдительныхъ доказательствъ. Я надѣюсь, что это неправда.“

„Если духовенство, какъ Вы говорите, не желаетъ помогать либеральной партіи въ ея политикѣ, то помните, что это не вполнѣ безъ основанія. Оно замѣчаетъ, что политика либераловъ заключается въ униженіи церкви для того, чтобъ унижить самую религію. Я понимаю, что духовенство уклоняется отъ помощи такой партіи.“

„Мнѣ очень жаль, что оно переноситъ эти соображенія на великій Восточный вопросъ, но несомнѣнно, что враги Церкви сами въ этомъ виноваты.“

„Надѣюсь отъ всего сердца, что насъ минуетъ преступленіе и бѣдствіе войны“.

8-го января я доносилъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Мы въ полнѣйшей безопасности. Конечно не тогда, когда мы будемъ спать, но мы въ безопасности теперь потому, что не спимъ. Говорятъ о роспускѣ парламента. Это ни къ чему не приведетъ. Биконсфильдъ не такой дуракъ, чтобъ раздробить свое большинство ради турецкихъ пашей“.

Фрудъ писалъ опять Стэду:

„Опасность все также велика. Биконсфильда репутація поставлена на карту; не таковъ онъ, чтобъ смириться“.

Въ тотъ же день Гладстонъ писалъ Стэду изъ Хауардена:

„Милостивый Государь, я съ большимъ интересомъ читаю все присылаемое мнѣ Вами и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣжу за Восточнымъ вопросомъ.“

„Я радъ приему Фостера Вами и тому, что Вы заодно съ нимъ въ этомъ періодѣ Восточнаго вопроса.“

„Манифестація была достаточно велика, чтобъ имѣть вѣсь и безъ малѣйшей партійности.“

„Большая сила въ сдержанности. Чтобы ни случилось, я надѣюсь, что Россія никогда не согласится на жалкія предложенія конференціи относительно Болгаріи.“

„Желая полного процвѣтанія Вашей энергической дѣятельности, остаюсь Вашъ преданный Гладстонъ“.

Я писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ 11 января:

„Была большая туркофильская сходка въ Сентъ-Джемсъ-Холь. Всѣ Стаффорды были тамъ, и это было строго частное дѣло...Рѣчи принесутъ пользу, такъ какъ докажутъ, что партія войны не бездѣйствуетъ“.

Г-жа Новикова, обрадованная письмомъ Гладстона отъ 4-го января, заключающимъ въ себѣ такое ясное и опредѣленное направленіе, немедленно перевела его на русскій языкъ и напечатала въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, написавъ Гладстону благодарность за письмо, которое, по ея словамъ, оказало много пользы правому дѣлу.

Я очень осторожно увѣдомлялъ ее обо всемъ, что представляло опасность. Такъ 12-го января я писалъ ей:

„Сегодняшнія извѣстія не совсѣмъ хороши. Въ Оксфордѣ на обѣдѣ, либеральный лидеръ, оказавшійся въ дѣйствительности ярымъ туркофиломъ, возбудилъ громкія рукоплесканія, объявивъ, что честь и безопасность Англій поставлены на карту, и что Англія должна настоять на томъ, чтобы имѣть голосъ въ соглашеніи.“

Но въ Бристолѣ городской голова говорилъ о совершенной ненужности войны Россіи съ Турціей, и ему также аплодировали. Въ Бирмингамѣ, и въ Городскомъ Совѣтѣ въ Сити сдѣлали постановленія, сильно порицающія войну, что вызвало сильное одобреніе. Трудно сказать, къ чему примкнетъ нація. Если судьба ея быть проклятой, она пойдетъ на войну, что бы ни случилось потомъ, а если она пойдетъ на войну по этому поводу, то нѣтъ сомнѣнія, что она проклята“.

Однако съ каждымъ днемъ горизонтъ прояснялся. 14-го января г-нъ Гренфель писалъ:

„Къ счастью народное мнѣніе въ пользу нейтралитета восторжествовало и убѣдило консервативныхъ интригановъ, что, если бы лордъ Биконсфильдъ объявилъ войну, онъ совершилъ бы актъ политическаго самоубійства“.

Лордъ Биконсфильдъ все время старался подражать лорду Пальмерстону. Наканунѣ открытія парламента ясно было, что партія войны разбита. Газета Pall Mall, которая 20-го декабря такъ увѣренно предвидѣла, что вся страна, за исключеніемъ нѣсколькихъ фанатиковъ, безъ колебаній поддержитъ лорда Биконсфильда, 13-го января отказалась отъ своихъ предсказаній. Она была въ бѣшенствѣ и отчаяніи отъ обманутыхъ надеждъ. „Заявленія отъ всей страны о твердой рѣшительности продолжать нейтралитетъ такъ велики и общи, писалъ Гладстонъ, что опасность, надо думать, миновала. Я докладывалъ г-жѣ Новиковой телеграммой „мы поразили и разбили партію войны“.

17-го января, когда собрался парламентъ было ясно, что митинги сдѣлали свое дѣло. Нейтралитетъ не долженъ быть нарушенъ. Снова партія мира въ кабинетѣ восторжествовала, и рѣчь королевы доказывала капитуляцію Биконсфильда. На слѣдующій день я доносилъ:

„Какъ я Вамъ телеграфировалъ вчера, рѣчь королевы—большая побѣда для насъ. Правительство было принуждено категорически заявить свою вѣрность нейтралитету, отречься отъ всякаго отношенія къ печати, настаивавшей на войнѣ, и признать себя поборникомъ прежней политики. Повѣрьте мнѣ, войны не можетъ быть между Вами и нами, пока Вы будете продолжать быть вѣжливы, выполняя Вашу святую миссію разбивать турокъ, не затрагивая самолюбія и интересовъ Англіи, какъ Вы это дѣлали до сихъ поръ“.

„Гренфель мнѣ пишетъ: онъ подъ впечатлѣніемъ, что есть опасность со стороны Германіи. Онъ думаетъ, что, если бы мы послали войско въ Галипполи, Германія завладѣла бы Голландіей или напала бы на Францію. Я не думаю. Вашъ другъ Картрайтъ тоже моего мнѣнія“.

Фриманъ изъ отдаленнаго Палермо поддерживалъ самую неутомимую переписку съ обоими центрами англо-русскаго освѣдомительнаго бюро. 15-го января онъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Почему это побѣда бываетъ разъ въ мѣсяцъ и непременно около середины мѣсяца? Я начинаю очень бояться, что дѣло сладится кое-какъ, оставятъ турка живымъ, и для Греціи ничего не будетъ сдѣлано. Вѣрьте, мнѣ это плохая политика. Легче уничтожить турка совсѣмъ теперь, нежели когда-либо въ другое время, когда надо будетъ все начинать съ начала. Если останется во владѣніи

турка хотя бы одна христіанская страна, тѣ же звѣрства повторятся не сегодня—завтра: Фессалійская рѣзня вмѣсто Болгарской, также жестокая, можетъ быть, хуже, потому что вся чертовщина черкесовъ, башибузуковъ, турецкихъ пашей, софтовъ и проч. уйдетъ изъ освобожденныхъ странъ въ мѣста подвластныя, такъ что положеніе этихъ мѣстъ будетъ хуже прежняго. Дайте это понять власть имѣющимъ, если имѣете возможность“.

Въ Дарлингтонѣ онъ въ тотъ же день писалъ:

„Рѣшительно не могу понять, какъ въ виду такого явнаго національнаго чувства Биконсфильдъ бы могъ отважиться на войну. Но я боюсь преждевременнаго мира исключительно на пользу славянъ, если Греція останется безъ помощи. Если Эпиръ, Фессалія и проч. останутся у турокъ, мусульмане нагрянутъ туда изъ освобожденныхъ провинцій, принося съ собой въ семь разъ большія злодѣянія. Тогда начнутся Фессалійскія жестокости, осложненія, конференція и повтореніе всего прошлаго, тогда какъ конецъ этому могъ бы быть положенъ навсегда.“

Будьте увѣрены, что еврей и его друзья все сдѣлаютъ, чтобъ сохранить какъ можно шире пространство, гдѣ бы друзья ихъ могли заводить свою чертовщину безпрепятственно. Такова будетъ теперь ихъ политика, и они будутъ называть это „милосердіемъ“, „щедростью“ и проч. Объ этомъ надо говорить во всѣхъ газетахъ, на всѣхъ собраніяхъ.

„Кто можетъ сказать, чего хочетъ еврей? я бы думалъ, однако, что теперь, когда раздался такъ громко народный голосъ по всей Англій, если онъ хочетъ идти на войну съ Россіей, онъ долженъ стать во главѣ своего народа, а не насъ“.

Г-жа Новикова писала мало писемъ; въ январѣ 10-го въ отвѣтъ на какой-то сдѣланный мною упрекъ, она кратко отвѣчала:

„Есть минуты, какъ въ частной, такъ и въ политической жизни, когда обвиненіе или хвала теряютъ всякое значеніе. Россія теперь переживаетъ ихъ, и она слишкомъ залита кровью, чтобъ обращать вниманіе на какія бы то ни было сплетни“.

Эти замѣчанія не особенно поощрительны, но вполнѣ естественны при данныхъ обстоятельствахъ, замѣчаетъ на это Стэдъ.

19-го января я писалъ Гладстону:

„Г-жа Новикова опечалена мыслью, что мы можемъ объявить войну, и я сказалъ ей, что если бы ей понадобилось какое-нибудь успокоеніе или совѣтъ, я въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Вами и могу передать ей Ваше мнѣніе“.

Онъ отвѣтилъ немедленно, а я послалъ копію его письма Ольгѣ Алексѣевнѣ:

20-е января 1878 г.

„Милостивый государь, весьма мало вѣроятія, чтобы мы съ Вами расходились въ мнѣніи о Восточномъ вопросѣ въ какомъ бы ни было его періодѣ, ничего не слѣдуетъ предрѣшать. Хотя я не стою непременно за сопротивленіе, мнѣ кажется весьма невѣроятнымъ появленіе такихъ обстоятельствъ, которыя оправдали бы уступки.

Я, кажется, рѣшусь привести на память прецедентъ 1870 г.

Надежды мои относительно Россіи, успѣхи которой не подлежатъ сомнѣнію, слѣдующія:

1. Что она окончательно освободитъ славянъ.
2. Что она будетъ благосклонна къ грекамъ, къ которымъ у нея, конечно, никакихъ обязательствъ нѣтъ.
3. Что она обезпечитъ полное вознагражденіе доброй, храброй, маленькой Черногоріи.
4. Чтобы свое вознагражденіе она нашла въ чемъ-нибудь другомъ, а не омрачала бы славное, бессмертное дѣло возвращеніемъ себѣ кусочка Бессарабіи.

Налишите изъ этого, сколько найдете умѣстнымъ.

Преданный Вамъ Гладстонъ.

Сообщите, пожалуйста, что я здѣсь до 30, потомъ въ Оксфордѣ, если обстоятельства позволяютъ“.

Двумя днями позже я получилъ слѣдующее письмо.

„Милостивый государь!

Такъ какъ подробности въ моемъ послѣднемъ письмѣ написаны съ тѣмъ, чтобы Вы моли, если хотите, ихъ сообщить, я желаю сказать, что эти подробности не образецъ идеальнаго устройства но минимальная доля того, что я бы считалъ пріемлемымъ.

Вамъ преданный Гладстонъ“.

Успокоеніе отъ пораженія партіи войны не долго продолжалось. Говорили, что королева и Биконсфильдъ все же остались увѣренными, что, если только Россія попробуетъ атаковать Константинополь, игра будетъ въ ихъ рукахъ. Говорили, что отставка лорда Карнарвона была бы сигналомъ опасности. Депутація изъ шестидесяти членовъ парламента, консерваторовъ, была у лорда Стаффорда, убѣждая правительство вмѣшаться, если русскіе приблизятся къ Константинополю или Галиполли. Въ первые дни новаго года русскія войска перешли за Балканы и 20-го января дошли до Адрианополя. Когда они были въ нѣсколькихъ дняхъ похода до Константинополя, джингоисты рѣшились на послѣднюю отчаянную мѣру.

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).